

УДК 821.161.1

DOI: 10.17223/19986645/65/16

Л.В. Павлова, И.В. Романова

СИМВОЛ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИСТОЛКОВАНИЯ

Предлагается возможное решение проблемы интерпретации символа с помощью оригинального программного комплекса «Гипертекстовый поиск слов-спутников в авторских текстах». В качестве примера рассматривается функционирование символа коня в лирике Вяч. Иванова, Б. Пастернака и О. Мандельштама. У постсимволистов выявляются неочевидные внутри- и межтекстовые связи, отражающие особенности языковой личности автора, его поэтического мира, его ассоциативного мышления. У символистов «спутники» образа-символа в своей совокупности составляют единую систему символических значений.

Ключевые слова: *символ, мифопоэтика, образная парадигма, лексические комбинации, Вячеслав Иванов, Б. Пастернак, О. Мандельштам.*

Появление в поэтическом тексте образа-символа, овеянного многовековыми и разнонациональными традициями, всегда интерпретационная проблема для исследователя, поскольку возможности истолкования, подобно смыслу самого символа, почти безграничны¹. Значение символа в таком случае устанавливается путем сопоставления контекста (текста, в котором символ существует сейчас) и длинной вереницы возможных подтекстов (текстов, в которых символ существовал ранее). Чтобы отсеять заведомо невозможные или маловероятные подтексты, разрабатывается система фильтров. Например, создатель смоленской филологической школы В.С. Баевский считал, что утверждать взаимосвязь и влияние, а не просто типологическое сходство двух произведений корректно лишь при наличии целого ряда точек соприкосновения, по крайней мере три из которых носят принципиальный характер: задокументированное свидетельство факта знакомства автора Б с творчеством автора А; совпадение лексики, образа(-ов), мотивов, особенностей композиции сопоставляемых произведений; совпадение аспектов стихотворной речи (метра, размера, рифм, строфы и т.д.).

На современном этапе развития литературоведения, характеризующемся активным привлечением точных методов к анализу художественных произведений, для выявления актуализированных в тексте (а не гипотетически возможных) значений символа может быть использован программный комплекс «Гипертекстовый поиск слов-спутников в авторских

¹ Разносторонние подходы к выявлению символических значений представлены нами здесь: [1, 2].

текстах»¹. Обработка данных, полученных при помощи программного комплекса, не отменяет использование других, более привычных приемов анализа образной системы и/или интерпретации отдельного символа, но проходит в более узком, поддающемся обозрению и, следовательно, целенаправленному осмыслению круге символических значений. Выявляя группы знаменательных слов (каждое из которых вслед за Ю.Н. Тыняновым и В.М. Жирмунским мы считаем носителем минимальной темы), не связанных, как правило, какими-либо очевидными грамматическими или стиховыми связями, но при этом не раз появляющихся «по соседству» друг с другом (мы называем такие группы лексическими комбинациями), программа позволяет зафиксировать своего рода «тематический ореол» каждого члена этой повторяющейся группы. «Тематический ореол» очерчивает пределы привлечения того или иного подтекста и определяет векторы интерпретации.

Продемонстрируем возможности предложенного подхода на примере семантически насыщенного образа-символа, широко представленного в мировой фольклорной и литературной традициях, – *конь*².

Материалом нашего исследования послужила лирика Вячеслава Иванова, одного из самых последовательных и авторитетных представителей русского символизма. В четырех прижизненных книгах его лирики – «Кормчие звезды» (1903), «Прозрачность» (1904), «*Cor ardens*» (1911–1912), «Нежная тайна. – *Λεπτα*» (1912) – и вышедшем посмертно сборнике «Свет вечерний» (1962)³ *конь* – один из трех самых частотных анималистических символов наряду со *змеей* и *орлом*. Применение программного комплекса к корпусу всех «конских» текстов (попутно отметим, что синонимичная *коню* лексема *лошадь* у Иванова не встречается вообще) позволило выявить несколько тысяч лексических комбинаций с компонентом *конь* (*конский*, *конный*). Ввиду большого количества комбинаций приведем данные, полученные на материале одной из книг – дебютных «Кормчих звезд». *Конь* здесь упоминается в 11 произведениях (см. Приложение).

Представим для начала некоторые наблюдения над бытованием *коня* в поэтическом мире Иванова, полученные без применения программного комплекса.

В «Кормчих звездах», как и в последующих книгах лирики Иванова, *кони* вездесущи – они на земле, на море, на небе: крепко стоит на Капитолийском холме *конь Антонина* (*конь* в этом случае метонимически потеснил самого императора-философа Марка Аврелия) в «*Laeta*»; по тучам несет Музу *крылатый конь* в «*Полете*»; бьются о берег *морские кони* в

¹ С описанием программы и интерпретацией результатов ее использования можно ознакомиться здесь: [3].

² Символика коня в историко-мифологическом аспекте, начиная с ведических гимнов и кончая пьемонтскими сказками, представлена, например, в классическом исследовании Анджело де Губертатиса [4. Р. 304–381].

³ В статье приняты следующие сокращения: «Кормчие звезды» – КЗ, «Прозрачность» – Пр., «*Cor ardens*» – СА, «Нежная тайна» – НТ, «Свет вечерний» – СВ.

цикле «В челне по морю». Если обратиться ко второй книге «Прозрачность», то *кони* обнаружатся и в подземном пространстве:

Погнал свой упряг медноконный
Царь преисподней глубины [5. Т. 1. С. 810].

Не только физическое горизонтально-вертикальное пространство освоили ивановские *кони*, в сонете «Любовь» это животное – одна из метаморфоз, происходящих с охваченными сильным чувством людьми:

Мы – два коня, чьи держит удила
Одна рука, – одна язвит их шпора... [Там же. С. 611].

Очевидно, что *конь* Иванову интересен, прежде всего, как образ сопоставления, привлекаемый для характеристики различных предметов, явлений, состояний. Так, парадигма с ментальным основанием «время → конь» представлена в цикле «*Suspīria*» (<...> *несут нас глухо кони – / Нас Время мчит* [Там же. С. 699]); «земля → конь» (*Грунт, под горячим дышащий покровом, / Как в пене конь <...>*) – в «Мирах возможного» [Там же. С. 671]; «солнце → конь» – *огнегривые кони* в «Довольно!» [Там же. С. 585]; «человек → конь» в сонете «Любовь» (*Мы – два коня, чьи держит удила / Одна рука, – одна язвит их шпора...* [Там же. С. 611]); в «Светоч» – «Дионис → конь» (*Рдеющий бор, / Веющий хор, / Польша вой, / Зарево гор – / Нива твоя, / Серп огневой! / Пажить твоя, / Конь буревой!* [Там же. С. 683]).

Что именно из конских качеств поэт считает нужным передать основанию сопоставления, т.е. по какому признаку происходит сопоставление земли, солнца, моря, человека, времени с конем, в большинстве случаев указано в тексте – это мощь экстатического порыва: волны-кони мчатся («Океаниды») и потрясают берега («В челне по морю»), Пегас мчит по громам созвучий Музу («Полет»), лучи-кони стремятся в неудержном беге («Довольно!»), кони дыбятся («Врата»), Дионис-конь несется бурей («Светоч»), время-конь – вихрем («Время» из цикла «*Suspīria*»); как конь в пене после стремительного бега, дышит земля («Миры возможного»). И в последующих книгах Иванова кони предстают, как правило, в той же образно-мотивной ситуации: *высоко прынул конь морской* [Там же. С. 776] («Современники» Пр.); *Безумит Ужас, гонит коней / Под свод крутящихся смерчей* [Там же. С. 799] («Гелиады» Пр.); *в пене / Огненосцы – кони...* [Там же. С. 806] («Фуга» Пр.); *гривы бурно-огневые / Далече пышащих коней* [Там же. С. 810] («Горная весна» Пр.); *всадник под щитом на пышущем коне* [Там же. Т. 2. С. 237] («*De profundis*» СА); *Храпят в ревнивой скачке кони...* [Там же. С. 240] («Огненосцы» СА); *Не буйный конь на удилах / Зубами пенит кипь* [Там же. С. 363] («Змея» СА); *Глухая кровь тобою ожила, / Что, узница мятежная, летела, / Как буйный конь, грызущий удила, / Теснинами томительного тела...* [Там же. С. 496] («Плоть и кровь» СА); *летит, распластан подо мной, / Конь огнедышащий и черный* [Там же. Т. 3. С. 39] («Конь Арион» НТ).

Наиболее ярко это динамическое качество, почти обязательное для всего «конского» корпуса ивановских текстов, открывается в морских образах¹, реализующих парадигму «волны → кони», что позволяет перенести истолкование их смысла на аналогичные ситуации с участием *коня*.

Образы парадигмы «волны → кони» генетически восходят к мифам о зооморфных ипостасях владыки вод Посейдона. П.А. Флоренский пишет: «У множества поэтов волны морские сравниваются со взмыленными конями, несущимися по водной поверхности с подъятой головою, с развевающейся гривой; напр<имер>, у Тимофея, в его недавно найденном дифирамбе «Персы» волны называются «конями изумрудногривыми». Но, не вдаваясь в это безбрежное море возможностей, установим несомненный факт тесной связи культа Посидона с символом коня. <...> Посидон именуется ἵπλαρχος – конеправящим, коневладычным; ἵπληγέτης – коневедущим, коневодителем; ἵπλιος – конным; ἵπλοδρόμιος и ἵπλοῦδω – коннобежный и конномыслящий, то есть коннозаботливый, пекущийся о конях» [7. С. 272–273]. Подобные образы встречаются и в русской литературе (напомним, например, стихотворение Ф.И. Тютчева «Морской конь»)². У Иванова образ *волны-кони* впервые появляется в «Океанидах»:

<...> Вот вздымится,
Мча коней гривистых, Волна <...> [5. Т. 1. С. 527];

затем – в цикле «В челне по морю»:

Гром набега... Гул погони...
Кинув синие луга,
Знаю – то морские кони
Потрясают берега <...> [Там же. С. 594].

Волны, бегущие по морскому простору, подобны табуны лошадей: развевающиеся гривы, изогнутые шеи, мерное колыхание при движении. Парадигма реализуется и тогда, когда *кони* не названы прямо, но указаны характерные черты поведения. Так, в стихотворении «Мадонна» о волнах сказано:

А волны злобные, надмясь,
Под темной бронзой звучных броней,
Мерно-ударною погоней
Летят, вспеняясь и дымясь... [Там же. С. 588].

Морские кони Иванова – бешеные, надменные, опасные. В одном из писем Л.Д. Зиновьева-Аннибал подчеркивает именно эту особенность изоб-

¹ О символике моря в лирике Вяч. Иванова см., в частности, нашу статью: [6].

² Примеры образных парадигм с участием *волн, моря, воды и коней, лошадей* представлены здесь: [8. С. 261, 262].

ражения морских волн Ивановым как самобытную: «И сколько ни говорено было о волнах, все же это опять совсем новое. Разница между прелестным стихотворением Минского¹, присланным тобою, именно в глубине, дерзости, размахе» [9. С. 360].

В стихотворении «Мадонна» наглядно задана оппозиция, подчеркивающая сущность *волн-коней*: возвышается над морем ослепительно чистый утес Мадонны, увенчанный нимбом радуги, а у его подножия беснуются, бьются страшные в своем неистовстве волны:

Но Твой утес встает, о Дева,
Из лютых бездн, несокрушим!

И далее:

Но Твой, о Дева, столп надежный
В их адской мгле, как страж, стоит <...> [5. Т. 1. С. 588].

Приписать «адскую» сущность целиком основанию сопоставления – *море*, оставив образу *конь* только внешнее проявление злобного начала, нельзя. Смысл оппозиции «море (темное) – утес Девы (светлое)», а тем самым и значение парадигмы «волны → кони», проясняется при обращении к книге Иванова – «Эрос», вошедшей в «*Cor ardens*». Здесь в стихотворении «Ропот» присутствует троп с образом сопоставления «табун» (парадигма «инстинкты → кони»):

Твоя душа глухонемая
В дремучие поникла сны,
Где бродят, заросли ломая,
Желаний темных табуны [Там же. Т. 2. С. 370].

Образ *табун темных желаний* очевидно восходит к психоаналитическим штудиям. З. Фрейд, как известно, в образе коня представляет «Оно», личностный континуум подсознательных импульсов: «“Я” репрезентирует то, что можно назвать рассудком и осмотрительностью. “Оно”, напротив, содержит страсти. <...> Функциональная важность “Я” выражается в том, что в нормальных случаях оно владеет подступами к подвижности. В своем отношении к “Оно” оно похоже на всадника, который должен обуздать превосходящего его по силе коня <...>» [10. С. 363].

Психоаналитическое объяснение уместно в интерпретации образа *волны-кони* как страстей, неукротимых плотских желаний в начальном стихотворении цикла «В челне по морю». Первые четыре катрена – описание опасной прогулки по морю: ветер, *ликующие волны*, разверзающиеся глубины, а два заключительных катрена – сопоставление бушующих волн с чувствами:

¹ Речь идет о стихотворении Н. Минского «Волна», как отмечено в примечаниях к цитируемому письму [9. С. 362].

Над пучиной буйной страсти
 Ныне также мы скользим... [5. Т. 1. С. 593].

Чувства требуют выхода = *морские кони потрясают берега* (или: бьются об утес Девы) = конфликт Оно и Сверх-Я. Таким образом, *кони* – одно из воплощений участника центрального для поэтического мировоззрения Иванова и структуры его поэтического мира взаимодействия «порыв и грани».

Интерпретация образов *крылатый конь* и *конь блед*, как и *морской конь*, частотных в лирике Иванова, вполне возможна при помощи описанной образно-мотивной ситуации переживания страстей: поэтическое вдохновение есть экстатический порыв за установленные грани, смерть есть наказание за несмирение и потакание собственным порокам. Подобное «перенесение» толкования с одного конского образа на другой вполне допустимо еще и потому, что издревле в символике коня присутствуют и хтонические, и водные, и пегасовские значения. У П.А. Флоренского читаем: «“Конь был символом, образом воды источников, которая выбрасывается, которая издает глухие звуки и которую представляет крылатый – стремительно возносящийся вверх Пегас (τὸ πῦρ – ключ, источник), ударивший копытом землю у горы Геликона и заставивший брызнуть фонтан Ипокрены”, т.е. *Ἰπλοκρήνη*, ключ коня, источник коня или, точнее, Конь-ключ» [7. С. 273]. На материале волшебных сказок обнаруживает эту связь В.Я. Пропп: «Другая особенность коня — это его связь с водой. Эту связь с водой он также разделяет со своими европейскими и азиатскими собратьями – с индийским Агни и с греческим Пегасом. <...> По сравнению с хтонической и замогильной природой коня его водная природа – явление вторичное и более позднее» [11. С. 265–266].

Что добавляют к сказанному лексические комбинации с компонентом *конь*, выявленные в «Кормчих звездах» программным комплексом «Гипертекстовый поиск слов-спутников в авторских текстах»?

В 11 стихотворениях «Кормчих звезд», где встречается *конь*, зафиксировано 131 слово-спутник. Из них сформировано несколько сотен разнокомпонентных комбинаций. Отношения между компонентами складываются по-разному: некоторые «соседства» вполне очевидны в силу ситуативно-реальной связи предметов, состояний, явлений, ими обозначаемых; иные прямо или косвенно восходят к кругу традиционных значений соответствующего символа; другие производят впечатление сугубо авторских, следовательно, почти всегда герметично-ассоциативных. Так, в 6 из 11 стихотворений *пару коню* образует, вполне ожидаемо, *бег* (*бежать*); в 5 – *красота*, *ночь*, *победный*, *свет* (*ночь* и *свет* не так легко связать с *конем*, как *бег*, *красоту* или *победу*); в 4 – *бог*, *вещий*, *глас*, *гора*, *жизнь*, *дол*, *звук*, *ковать*, *лететь*, *море*, *след*, *сон*, *стремиться*, *чуткий*; в 3 – *берег*, *брань*, *вихрь*, *гнать*, *грива*, *давать*, *держать*, *единый*, *звезда*, *золото*, *идти*, *крылья*, *лик*, *молить*, *мчать*, *небо*, *нести(сь)*, *петь*, *пламя*, *сев*, *судьба*,

ть, туча (установить связи коня с большинством компонентов затруднительно даже при обращении к контексту) и т.д.

Заметим, что «морских» минимальных тем в тематическом ореоле коня оказалось не так много, как можно было ожидать: *море, берег* (может быть по праву отнесен и к «земным» минимальным темам). Больше тем «небесных»: *лететь, звезда, крылья, небо, туча*. Наряду с выделенным ранее динамическим мотивом «стремительное движение» (*бег, стремиться, гнать, мчать, нести(сь)*) становится заметен акустический мотив «звучание»: *веющий, глас, звук, петь*. А добавление религиозных минимальных тем *бог, единый, лик, молить* позволяет утверждать, что на уровне претекста, то есть набора слов, послуживших материалом для создания связанного текста, конь больше связан не с физиологическими и психологическими особенностями личности, ее опасными порывами к запретному, а с творчески-возвышенными стремлениями. Если в первом случае (интерпретация явного, т.е. контекста) «порыв» стихийных сил был сдерживаем (берег, утес) и наказуем (смерть), то во втором (интерпретация подспудного, т.е. претекста) это стремление связано с красотой, светом, жизнью и победой. Рождающее катарсис напряжение между явным (стихийное, темное, запретное, опасное) и скрытым (возвышающее, свободное, необходимое, победное) определяет полифонизм как отдельного символа, так и поэзии Иванова в целом.

**Лексическая комбинация *победа – раболепие – жизнь – конь*
в «Жорчих звездах» Вячеслава Иванова**

Название стихотворения	Контекст и вариант расположения компонентов лексической комбинации
«Океаниды»	<p><i>победный – раболепный – жизнь – конь – победа</i></p> <p><...> красе <i>победной</i> Невозмутимый небосвод Улыбкой вызывает бледной Ответный блеск влюбленных вод. Навек темничные оковы Сковал вам <i>раболепный</i> брег; Бежит, заслыша ваши зовы, В укромный дол свой Человек. Один – свобод, один – избранник, Придет, кому дано гореть: Повинный Духу – кроткий бранник – Любить, воззвать, и умереть... <i>Жизнь</i> – зов единый... Вот вздымится, Мча <i>коней</i> гривистых, Волна; Вот, блеща персями, стремится, Неудержима и гневна... Легит – вражды последним стоном Да огласит моря и твердь; Грозит незыблемым препонам... Какой отпор! Какая смерть!..</p>

Название стихотворения	Контекст и вариант расположения компонентов лексической комбинации
	Серебропенные Мэнады! О, Хаос! страшен ваш завет: Нет воле вне себя преграды... Вам нет <u>победы</u> , нет отрады, И нет надежд, – и мира нет! [С. Т. 1. С. 526–527]
«Laeta»	<i>победа – раболепие – конь – жить – жизнь – жизнь</i> Вот – путь <u>Побед</u> , и Свободы амвон, и святыня Сogласья! Вот – Самовласть врата! Вот – <u>Раболепия</u> столп! Белые кости базилик... останки портиков стройных... Три несравненных столпа Кастор с Поллуксом хранят!.. Там – Палатин; там – Титов триумф; там – свод Константина; Мощь Колоссеума – там: здесь – Табуларий, и всход. На Капитолий крутой я всхожу: вот и <u>конь</u> Антонина; Вещих меж свитков меня ждет молчаливый фиас... Так я <u>живу</u> , – и вседневный мой труд – блуждать и дивиться, И, дивясь, блуждать – пир моих сплетшихся Муз: В гробы стучится одна; красотой облакает другая, Тленья сорвавши покров, – <u>жизнью</u> восставшую <u>жизнь</u> ... Весело мне!.. Но не часто ли, друг, что высоко <...> [Там же. С. 639]

Наиболее показательные результаты дает сопоставление произведений поэтов, принадлежащих к разным литературным направлениям и течениям. Развернутое сравнение «тематического ореола» коня у представителей русского символизма и постсимволизма заслуживает отдельного исследования. Отметим коротко, что, например, в творчестве Б. Пастернака конь – самая частотная лексема из всех обозначений животных. Лошадь встречается существенно реже, причем Пастернак, судя по всему, не усматривает различия между конем и лошастью: в стихотворении «Он встает. Века. Геллаты...» он меняет одну лексему на другую в одном предложении: *Вьеду на коне на паперть, / Лошадь осажу к дверям* [12. С. 334]. Минимальная тема конь возникает у него в прямом значении. Ситуативно конь у Пастернака обычно соседствует с оружием и прочей военной лексикой. Очевидно высокое значение для поэта образа Георгия Победоносца со всем связанным с ним мифопоэтическим комплексом (наиболее ярко он представлен в стихотворениях «Ожившая фреска» и «Сказка»)¹. Конь изредка встречается в образе сопоставления: «неосвященные окна домов → прорези в пополах для конских глаз»: *Ряды окон, / Не освещенных в поздний час, / Имели вид сплошных попон / С прорезами для конских глаз* [Там же. С. 79]. («Десятилетие Пресни»); «я, жаркий, искоса гляжу с подушек → конский глаз»: *Как конский глаз, с подушек, жаркий, искоса Гляжу, страшась бессонницы огромной* [Там же. С. 156]. («Мне в сумерки ты все – пансионер-

¹ Подробнее о значении мифологического комплекса Георгия Победоносца в творчестве Пастернака см., например: [13. С. 38–48; 14. С. 253–294].

кою...»); «небосвод → траурный конный дозор»: *Теперь темнеет рано, Но конный небосвод / С пяти несет охрану Окраин, роц и вод* [12. С. 335] («Безвременно умершему»).

В состав лексических комбинаций с *конем* у Пастернака так же, как и у Вяч. Иванова, входят часто *ночь, вихрь, сон / спать, реже – свет, жизнь, след, море, тень, небеса*. Из не встречающихся у старшего поэта компонентов лидером выступает *стужа*, кроме нее встречаются *снег, двор, мороз, ветер, лед, боль, глаз, любовь / любить, пруд, палить* (в значении «стрелять»), *листва, кровь, октябрь, свеча, караул*. Обилие примет зимнего пейзажа скорее объясняется общим доминированием зимы в поэтическом мире Пастернака, чем соотнесенностью с ней коней. Очевидно, что «тематический ореол» сопровождающих *коня* компонентов лексических комбинаций образуется преимущественно ассоциативным путем и не вносит новых дополнительных значений к этому образу.

И для О. Мандельштама тема *коня* связана с основным его значением и назначением: транспортное средство, атрибут воина. Контекстуально *кони* у Мандельштама часто имеют отношение к прошлому, старине, во всех появлениях акцент делается на акустической характеристике – конском топоте. Из мифологических образов упоминается троянский конь (стихотворение «Когда в далекую Корею...»). Редкие «конские» образы могут образовывать как вполне традиционные, так и сложные тропы. Лишь однажды *кони* оказываются в основании сопоставления: «кони → буквы»: *Слагались гимны, кони гарцевали / И, словно буквы, прыгали на месте* [15. С. 179] («К немецкой речи»). В остальных случаях они в образе сопоставления: «стук конских копыт → рассказ о простых и грубых временах»: *О временах простых и грубых / Копыта конские твердят* [Там же. С. 74] («О временах простых и грубых...»); «Генрих Нейгауз вскакивает из-за рояля → конек-горбунок»: *Разве руки мои – кувалды? Десять пальцев – мой табунок! И вскочил, отряхая фалды, мастер Генрих – конек-горбунок* [Там же. С. 159] («Рояль»); «вид с обрыва Воронежа в огнях → полугород, полуберег конных в сбруе красный углей»: *Высоко занесся санный, сонный Полугород, полуберег конный, в сбрую красных углей запряженный* [Там же. С. 233] («На доске малиновой, червонной...»); «деревья, грибы в лесу под дождем → карточная игра в девятый вал → сражение конников»:

И еще грибы-волнушки,
В сбруе тонкого дождя,
Вдруг поднимутся с опушки –
Так, немного погода...

Там без выгоды уроды
Режутся в девятый вал,
Храп коня и крап колоды –
Кто кого? Пошел развал... [Там же. С. 177]
(«Полюбил я лес прекрасный...»)

Наряду с ситуационно объяснимым соседством коня с *рукой, ногой, землей, ветром, днем, ночью*, глаголом *греметь*, даже *кровью* (если учесть сражения), со *временем* (если очевидна отнесенность у Мандельштама коней к прошлому), то нельзя не отметить, что «тематический ореол» коней Мандельштама более оригинален по сравнению с предыдущими авторами: вместо обозначений стремительности бега – *медленный*; по соседству с конем часто встречаются наименования людей по принципу родства – *сын, брат*; определения *деревянный, железный*; топоним – *Москва* и т.д. Все они маркируют индивидуально-авторские ассоциативные связи, которые, впрочем, не выстраиваются в систему семантических значений коня.

Даже беглый обзор функционирования минимальной темы коня в творчестве символистов и постсимволистов позволяет говорить о формировании исключительно у символистов образа-символа, актуализирующего все новые контексты значений, которые могут быть не всегда очевидны и выделяются при применении специализированного программного комплекса «Гипертекстовый поиск слов-спутников в авторских текстах». У других авторов подобная методика исследования выявляет неочевидные внутри- и межтекстовые связи, отражающие особенности языковой личности автора, его поэтического мира, его ассоциативного мышления. У символистов «спутники» образа-символа – находящиеся вне зоны видимости «узлы одной кристаллической решетки», непременно в своей совокупности составляющие единую систему символических значений.

Приложение

Конь в книгах лирики Вячеслава Иванова¹

№ п/п	Название произведения	Минимальный контекст
I	«КОРМЧИЕ ЗВЕЗДЫ» (12 упоминаний в 11 текстах)	
1	«Океаниды»	Жизнь – зов единый... Вот вздымится, / Мча коней гривистых, Волна <...> [5. Т. 1. С. 527]
2	«Стих о Святой Горе»	Уж и к той ли горе дороги неезжены, / И тропы к горе неторены, / А и конному пути заказаны, / И пешему заповеданы <...> [Там же. С. 557]
3	«Довольно!»	<...> коней огнегривых / К Ночи стремишь в неудержном беге [Там же. С. 585]; <...> рдеет море влажными розами, / Сретая коней огнегривых <...> [Там же. С. 585]
4	«Между двух мерцающих бледных...» (цикл «В челне по морю»)	Гром набега... Гул погони... / Кинув синие луга, – / Знаю – то морские кони / Потрясают берега... [Там же. С. 594]
5	«Полет»	Ты, Муза вещая! Мчит по громам созвучий / Крылатый конь тебя! <...> [Там же. С. 609]

¹ При традиционном анализе образа коня учитываются и метонимические словоупотребления (*табун, скакун, грива, всадник, узда, подкова, галоп, стремя* и пр.), например, *Ржет кобылица; хрипит жеребец; сотрясают копыта / Брачную пажить* [5. Т. II. С. 502].

№ п/п	Название произведения	Минимальный контекст
6	«Любовь»	Мы – два коня, чьи держит удила / Одна рука, – одна язвит их шпора... [Там же. С. 611]
7	«Рим вожделенный узрев, я пел тебе первые Laeta...» (цикл «Laeta»)	На Капитолий крутой я всхожу: вот и конь Антонина [Там же. С. 639]
8	«Врата»	И с колесниц творцы кровавых былей, / Бразды собрав дыбящихся коней, / Роняли дар победных изобилий, – // И их венцов над полчищем теней / Златился лавр. И Амазоны – девы / Скакали вслед, степных зарниц вольней [Там же. С. 664]
9	«Миры возможного»	Грунт, под горячим дышащий покровом, / Как в пене конь, когда ездок усталый / Даст искромечущим остыть подковам, – // Таков был ныне край Помоны алой, / Родимых лоз и миртов и маслины! <...> [Там же. С. 671]
10	«Светоч»	Рдеющий бор, / Веющий хор, / Польмя вой, / Зарево гор – / Нива твоя, / Серп огневой! / Пажить твоя, / Конь буревой! [Там же. С. 683]
11	«Время» (цикл «Suspigia»)	Как мертвый вихрь, несут нас глухо кони – / Нас Время мчит [Там же. С. 699]
II	«ПРОЗРАЧНОСТЬ» (8 упоминаний в 4 текстах)	
12	Valerio vati (цикл «Современники»)	Здесь вал, мутясь, непокоривой / У ног мятежится тоской: / А там на мыс – уж белогривый / Высоко прынул конь морской [Там же. С. 776]
13	«Гелиады»	Наш отец, на колеснице / Рыжеконной, скрылся, злобен <...> [Там же. С. 794]; А кони бились о заставы, / Почуя пламенный простор! [Там же. С. 798]; А кони рады бездорожью, / Грызут тугие удила [Там же. С. 799]; Змеиным трепетом бичей / Безумит Ужас, гонит коней / Под свод крутящихся смерчей [Там же. С. 799]
14	«Фуга»	Гулкою тропюю / Мчат любимцы Гэбы / Дар святой, и в пене / Огненосцы – кони... [Там же. С. 806]
15	«Вздыбились космы снеговые...» (цикл «Горная весна»)	Вздыбились космы снеговые / В медяном мареве гребней, / Как гривы бурно-огневые / Далече пышащих коней [Там же. С. 810]; Погнал свой упряг медноконный / Царь преисподней глубины [Там же. С. 810]
III	«COR ARDENS» (38 упоминания в 18 текстах)	
16.	«De profundis»	<...> всадник под щитом на пышущем коне [5. Т. 2. С. 237]
17	«Огненосцы»	<...> светоносцев вестовых / Храпят в ревнивой скачке кони... [Там же. С. 240]; Коней ристалищных / Змеится ль грива [Там же. С. 241]
18	«Неведомое»	Кто-то туманы прядет да прядет, – / Бором маячит, болотом дымится, / Логом струится, лугом бредет, – / По перелесьям пугает коня, – / Темным безвестьем мает, стена... [Там же. С. 280]
19	«Adamantina proles» (цикл «Carmen saeculare»)	Чу, кони в бронях ржут, и лавр шумит, густея [Там же. С. 288]

№ п/п	Название произведения	Минимальный контекст
20	«Жертва агнчая»	Крылатый конь и лань тебя, пророк, / В зарницах снов влекут на колеснице: / Поникнет лань, когда «Лети!» вознице / Бичами вихря взвизгнет в уши Рок [Там же. С. 292]
21	«Поэту»	Одно тавро на нем – / Тавро природы дикой, / И лирник светлоликий / Слиян с лихим конем [Там же. С. 357]
22	«Змея»	Не сокол бьется в злых узлах, / Не буйный конь на удилах / Зубами пенит кипь: / То змия ярого, змея, / Твои вздымают острия, / Твоя безумит зыбь... [Там же. С. 363]
23	«Таинственная светится рука...» (цикл «Золотые завесы»)	И тени белых конниц – облака – / Томят лазурь в неразрешенных грозах [Там же. С. 386]
24	«Солнцев Перстень»	Топни по мели отлогой, / Влажной галькой веки тронь, / Гикни: «Гей ты, птица-конь, / Огнегривый, ветроногий! / Мчи меня прямой дорогой / Меж двух крыльев, на хребте, / К заповедной той черте <...> [Там же. С. 472]; Прянет конь сереброногий, / Лебединые крыла <...> [Там же. С. 473]; За узду хватай проворно, / Прыгай на спину коню [Там же. С. 473]; Конь промолвит: «Урону / Я тебя, седок, над бездной <...> [Там же. С. 473]; Загадает конь лукавей: / «Что горит зари кровавей?» [Там же. С. 473]; Скажет конь: «куда ж нам метить? / День догнать, иль утро встретить?» [Там же. С. 473]; <...> берет в хомут ретивых / Солнце коней огнегривых, / Отпрягая на покой / Мокрых пеною морской!» [Там же. С. 473]; Над вечерними морями / Конь помчится, полетит, / Только воздух засвистит [Там же. С. 474]; А на пастбищах янтарных, / У потоков светозарных – / Коновязь и водопой [Там же. С. 474]; Среброкрылою толпой / Кони пьют, а те пасутся, / Те далече вскач несутся: / Конь за ними, в ясный дол... [Там же. С. 474]; Конь проскочит той калиткой / И, как вкопанный, пред ниткой / Остановится, дрожь <...> [Там же. С. 474]; «Слезь», он взмолится, «с меня!» / Отпусти в табун коня. [Там же. С. 474]; Чуть отпряг коней усталых, / Впряг по стойлам застоялых, / На кладницу четверню / Разогнал <...> [Там же. С. 476]; Медны двери размыкает, / Из подземья выпускает / Белых коней на простор <...> [Там же. С. 478]
25	«Небосвод»	Кто в колесницу впряг зоны и века? / И чья бразды коней не выпустит рука? [Там же. С. 379]
26	«Зодчий»	<...> конницей многоочитой / Ведешь сопряженные звезды / Узлами пылающих узд [Там же. С. 380]
27	«Таинственная светится рука...» (цикл «Золотые завесы»)	И тени белых конниц – облака – / Томят лазурь в неразрешенных грозах <...> [Там же. С. 386]

№ п/п	Название произведения	Минимальный контекст
28	«Спор»	Блуждали мы в долине изумрудной – / И слышим весть внезапную: «конь блед». // Вот бледный конь; и на коне побед, / Навстречу нам, с холмов, тропой безлюдной, / Путь медленный склоняет всадник чудный <...> [Там же. С. 408]
29	«Венок сонетов»	И чья рука волшебный луч жезла / Четой эхидн сплетенных окаймила? / И двух коней одержит удила? [Там же. С. 414]; Один взнуздан наездник-демон коней / И, веселясь неистойвой погоней, / То на двоих стопами, прям, стоит, – // То, разъяря в нас пыл и ревность спора, / На одного насядет – и язвит / Единая двоих и бесит шпора [Там же. С. 414]; Единая двух коней колет шпора; / В нас волит, нас единый гонит дух [Там же. С. 414]
30	«Над глетчером, лохматым и изрытым...» (цикл «Голубой покров»)	Мы набрели в скалах на водоем. / Георгий ли святой прошиб копьём / Кору ключей? Но некий конь копытом // Ударил тут; и след все зрим... [Там же. С. 426]
31	«И вновь Конь бледный зрим, и Всадник Бледный...» (цикл «Голубой покров»)	И вновь Конь бледный зрим, и Всадник Бледный... [Там же. С. 429]; Коню дары колосьев простирает; / И бледной гривы мертвые струи – / О, диво! – роз багрянцем убирает... [Там же. С. 429]
32	«Плоть и кровь»	(о душе) <...> узница мятежная, летела, / Как буйный конь, грызущий удила / Теснинами томительного тела... [Там же. С. 496]
33	«Аркона»	К солнечным в розах коням вы, арконские белые кони, / Пав под секирами дев, в розах со ржаньем неслись! [Там же. С. 502]
IV	НЕЖНАЯ ТАЙНА – Лелта (3 упоминания в 1 тексте)	
34	«Конь Арион»	Пред Дионисом я бежал, / Как тень коня пред колесницей <...> [5. Т. 3. С. 38]; Летит, распластан подо мной, / Конь огнедышащий и черный [Там же. С. 39]; Прочь от земли в желанный день / Загреев конь меня уносит... [Там же. С. 39]
V	СВЕТ ВЕЧЕРНИЙ (7 упоминаний в 7 текстах)	
35	«Греческая ваза»	Но слывет / Очерк твой хмельного бога, / Чернетью по красной глине / Меж сатиров конских, ныне / Уж не утварью гончарной, / А красой редчайших ваз [Там же. С. 545]
36	«Как месячно и бело на дорогах...» (цикл «Зимние сонеты»)	И мнится, здешний я лежу на дорогах, / Уставя к небу мертвый, острый лик: / И черных коней водит проводник / Пустынных гор в оснеженных отрогах [Там же. С. 571]
37	«Далече ухнет в поле ветр ночной...» (цикл «Зимние сонеты»)	И сторожким копытом конь пытается / На тонкой переправе лед речной [Там же. С. 573]
38	«Держа коней строптивых под уздцы...» (цикл «Римские сонеты»)	Держа коней строптивых под уздцы, / Могучи пылом солнечной отваги / И наготово олимпийской наги, / Вперед ступили братья-близнецы [Там же. С. 579]

№ п/п	Название произведения	Минимальный контекст
39	«Весть мощных вод и в веяньи прохлады...» (цикл «Римские сонеты»)	Сребром с палат посыплотся каскады; / Морские кони прынут в светлом гневе; / Из скал богини выйдут, гостье рады, / И сам Нептун навстречу Влаге-Деве [Там же. С. 582]
40	«Апрель» («Римский дневник»)	Ясины дышат, белые левкой. / Луг белых коней — тешит лазурь / Заоблачной гульбой апрельских бурь. / Гудят, звенят воздушных сосен хвои [Там же. С. 603]
41	«Май» («Римский дневник»)	<...> дух мой дикою и дивной / Наполнить музыкою? В ней / Гул недр земных, ночных корней / Перекликается, призывный, / Со ржаньем солнечных коней [Там же. С. 613]

Литература

1. Павлова Л.В. У каждого за плечами звери: символика животных в лирике Вячеслава Иванова. Смоленск : СГПУ, 2004. 267 с.
2. Павлова Л.В., Каяниди Л.Г. Ярким камнем богаты: мир самоцветов в поэзии Вячеслава Иванова. Смоленск : Свиток, 2017. 288 с.
3. Павлова Л.В., Романова И.В. Неочевидные структуры текста: Применение программных комплексов для нужд филологического анализа текста. Смоленск : Свиток, 2015. 148 с.
4. *Gubernatis Angelo de*. Mythologie zoologique, ou des légendes animales. Paris, 1874. 503 p.
5. Иванов Вячеслав. Собрание сочинений : в 4 т. / под ред. Д.В. Иванова, О. Дешарт ; введ. и примеч. О. Дешарт. Брюссель, 1971–1987.
6. Павлова Л.В. Почему у Вячеслава Иванова *море* женского рода? // Двадцатый век – двадцать первому веку: Юрий Михайлович Лотман: материалы международного семинара. Смоленск : Универсум, 2003. 128 с. С. 62–68.
7. Флоренский Павел, священник. Из истории античной философии. М. : Академический проект, 2015. 524 с. (Философские технологии).
8. Павлович Н.В. Словарь поэтических образов: На материале русской художественной литературы XVIII–XX веков : в 2 т. М. : Эдиториал УРСС, 2007. Т. 2. 248 с.
9. Иванов Вячеслав. *Зиновьева-Аннибал Лидия*. Переписка: 1894–1903. М. : Новое литературное обозрение, 2009. Т. 1. 752 с.
10. Фрейд З. «Я» и «Оно»: Труды разных лет. Тбилиси : Мерани, 1991. Кн. 1. 396 с.
11. Пропт В.Я. Морфология «волшебной» сказки: Исторические корни волшебной сказки. М. : Лабиринт, 1998. 512 с.
12. Пастернак Б.Л. Полное собрание стихотворений и поэм. СПб. : Академический проект, 2003. 800 с. (Новая Библиотека поэта)
13. Романова И.В. Миф о Св. Георгии в «Докторе Живаго» Б. Пастернака // Русская филология. Ученые записки Смоленского государственного педагогического института. Смоленск, 1996. С. 38–48.
14. Сендерович С.Я. Георгий Победоносец в русской культуре: страницы истории. М. : АГРАФ, 2002. 368 с.
15. Мандельштам О.Э. Полное собрание сочинений и писем : в 3 т. Т. 1: Стихотворения. М. : Прогресс-Плеяда, 2009. 808 с.

Symbol in a Poetic Text: New Opportunities for Interpretation

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 65. 260–275. DOI: 10.17223/19986645/65/16

Larisa V. Pavlova, Irina V. Romanova, Smolensk State University (Smolensk, Russian Federation). E-mail: pavlar@inbox.ru / irina.romanova@bk.ru

Keywords: symbol, mythopoetics, image paradigm, lexical combinations, Vyacheslav Ivanov, Boris Pasternak, Osip Mandelstam.

The article proposes one of the possible solutions to the interpretational problem of the symbol. Against the background of the active involvement of exact methods to the analysis of works of art in modern philology, the original software system “Hypertext Search for Companion-Words in Author’s Texts” can be used to identify the meanings of symbols actualized in the text. The processing of data obtained with the help of the system does not abolish the use of other traditional methods of analyzing the figurative system or interpreting single symbols, but involves a narrower circle of symbolic meanings that can be purposefully understood. The material of the study was the lyrics of Vyacheslav Ivanov, one of the most consistent and authoritative representatives of Russian symbolism, as well as all the lyrics of post-Symbolist poets Boris Pasternak and Osip Mandelstam. As an example, the authors analyze how a common animal symbol of the horse functions in the lyrics of these three poets. The images of a *winged horse*, a *pale horse*, and a *sea horse*, frequent in Ivanov’s texts, are interpreted via figuratively-motivated situations of experiencing passions: poetic inspiration is an ecstatic impulse beyond the established borders, death is a punishment for non-humility and self-indulgence. The analysis of the horse’s “satellites” in Ivanov’s texts, which constitute repeated lexical combinations revealed by the software system, showed that the minimal themes of the sea in the *horse* thematic halo are fewer than one might expect; there are more themes of the sky. Along with the *dynamic movement* motif, the acoustic *sound* motif is noticeable. The observed minimal themes of religious religion make it possible to assert that, at the pretext level, the horse is no longer associated with dangerous impulses to the forbidden, but with creative sublime aspirations. The catharsis-generating tension between the evident (spontaneous, dark, forbidden, dangerous) and the hidden (elevated, free, necessary, triumphant) determines the polyphony of both the individual symbol and Ivanov’s poetry as a whole. The comparison of the functioning of the *horse* in the work of the Symbolists and post-Symbolists shows that the Symbolists exclusively form the image-symbol actualizing all new contexts of meanings, which may not always be obvious and are detected and accentuated through the use of the specialized software package. With similar methods of research, other authors show non-obvious intra- and intertextual links reflecting the peculiarities of the authors’ language personalities, their poetic world and associative thinking. In the case of the Symbolists, the “satellites” of the image-symbol are the out-of-sight “nodes of one crystal lattice”, which in their totality form a single system of symbolic meanings.

References

1. Pavlova, L.V. (2004) *U kazhdogo za plechami zveri: simbolika zhyvotnykh v lirike Vyacheslava Ivanova* [Everyone has animals behind him: The symbolism of animals in the lyrics of Vyacheslav Ivanov]. Smolensk: Smolensk State Pedagogical University.
2. Pavlova, L.V. & Kayanidi, L.G. (2017) *Yarkim kamen'em bogaty: mir samotsvetov v poezii Vyacheslava Ivanova* [Rich with bright stones: The world of gems in the poetry of Vyacheslav Ivanov]. Smolensk: Svitok.
3. Pavlova, L.V. & Romanova, I.V. (2015) *Neochevidnye struktury teksta: Primenenie programmykh kompleksov dlya nuzhd filologicheskogo analiza teksta* [Non-obvious text structures: Application of software systems for the needs of philological text analysis]. Smolensk: Svitok.
4. de Gubernatis, A. (1874) *Mythologie zoologique, ou des légendes animales*. Paris: Durand.
5. Ivanov, V. (1971–1987) *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Collected Works: in 4 vols]. Brussels: Foyer Oriental Crétien.
6. Pavlova, L.V. (2003) [Why does Vyacheslav Ivanov describe sea as a she?]. *Dvadsatyy vek – dvadsat' pervomu veku: Yuriy Mikhaylovich Lotman* [Twentieth century to the twenty

first century: Yuri Lotman]. International Seminar Proceedings. Smolensk: Universum. pp. 62–68. (In Russian).

7. Florenskiy, P. (2015) *Iz istorii antichnoy filosofii* [From the history of ancient philosophy]. Moscow: Akademicheskiiy proekt.

8. Pavlovich, N.V. (2007) *Slovar' poeticheskikh obrazov: Na materiale russkoy khudozhestvennoy literatury XVIII–XX vekov: v 2 t.* [Dictionary of poetic images: Based on the material of Russian fiction of the eighteenth – twentieth centuries: in 2 volumes]. Vol. 2. Moscow: Editorial URSS.

9. Ivanov, V. & Zinov'eva-Annibal, L. (2009) *Perepiska: 1894–1903* [Correspondence: 1894–1903]. Vol. 1. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

10. Freud, Z. (1991) “Ya” i “Ono”: *Trudy raznykh let* [“I” and “It”: Works of different years]. Translated from German. Book 1. Tbilisi: Merani.

11. Propp, V.Ya. (1998) *Morfologiya “volshebnoy” skazki: Istoricheskie korni volshebnoy skazki* [Morphology of the “fairy” tale: The historical roots of the fairy tale]. Moscow: Labirint.

12. Pasternak, B.L. (2003) *Polnoe sobranie stikhotvoreniy i poem* [Complete collection of verses and poems]. Saint Petersburg: Akademicheskiiy proekt.

13. Romanova, I.V. (1996) Mif o Sv. Georgii v “Doktore Zhivago” B. Pasternaka [The myth of St. George in “Doctor Zhivago” by B. Pasternak]. *Russkaya filologiya. Uchenye zapiski Smolenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*. pp. 38–48.

14. Senderovich, S.Ya. (2002) *Georgiy Pobedonosets v russkoy kul'ture: stranitsy istorii* [George the Victorious in Russian culture: Pages of history]. Moscow: AGRAF.

15. Mandel'shtam, O.E. (2009) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 3 t.* [Complete works and letters: in 3 vols]. Vol. 1. Moscow: Progress-Pleyada.